

УДК 341.9.01

DOI 10.52928/2070-1632-2021-58-13-130-136

КОНЦЕПЦИЯ РЕЛЕВАНТНЫХ УСЛОВИЙ В МЕХАНИЗМЕ ОТСЫЛКИ КРИТЕРИЯ НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ

В.О. ПАВЛОВСКИЙ

(Белорусский государственный университет, Минск)

На современном этапе развития международного частного права интенсивность мирохозяйственного оборота требует обдуманного обращения к правоприменению, каждый правовой спор требует индивидуального аналитического подхода со стороны правоприменителя. Отход от концепции усредненной коллизионной догматики привел науку и практику к осмыслению новых методологических подходов к поиску релевантного, наиболее тесного с фактическим составом правоотношения, правового решения. В данной работе на основе общенаучных методов, а также с использованием приемов правового моделирования автор попытался обосновать концепцию применения критерия наиболее тесной связи в системах права с применением необходимого условия публичных императивов, наполняющих законодательный массив романских юрисдикций. Основным путем решения проблемы адаптации критерия наиболее тесной связи является формирование категории релевантности и учета публичных требований при разрешении коллизионных вопросов. При следовании концепции релевантности, критерий наиболее тесной связи может полноценно реализовать свой потенциал в качестве основного принципа международного частного права. По итогам исследования, проведенного автором, затронута проблема релевантности факторов наиболее тесной связи на основе современных научных подходов в рамках института императивных норм отечественного и зарубежного законодательства. Установлено, что существует концептуальная схожесть в невозможности преодоления императивных требований законодательства в исследуемых правовых системах. Автор предположил, что правовая система как единица нормативного массива может конкурировать посредством императивных предписаний с другой правовой системой при установлении применимого права, степень конкуренции показывает релевантность будучи эпистемологической единицей. Обозначено присутствие свойства релевантности в оговорке о публичном порядке.

Ключевые слова: гибкое регулирование, принцип наиболее тесной связи, публичный порядок, императивные нормы, концепция релевантности, критерий наиболее тесной связи.

Введение. Критерий наиболее тесной связи требует учета различного рода элементов фактического состава правоотношения, определяя его природу через локализацию. На сегодняшний день актуальным является вопрос о существенных и реальных (временных) факторах, составляющих правоотношение. В данной работе на основе правового моделирования проведена попытка обозначить теоретическое направление, которое следует изучить в науке частного права в ближайшее время, затрагивающее вопросы критерия наиболее тесной связи, структурных элементов его «генома».

На наш взгляд, заслуживающей внимания является проблема учета релевантности факторов, влияющих на определение тесной связи. Например, есть дело X, где есть факторы А, В, С, каждый из них обладает собственным релевантным весом, причем один из них имеет наибольшее значение для установления тесной связи. Как следует суду или арбитражу интерпретировать неравновесный состав правоотношения? Правильнее будет поставить вопрос: каким образом анализировать правоотношение? Как следует из англосаксонского определения, «международное частное право – это та ветвь (branch) права, которая касается дел, в которых *релевантный факт имеет связь с иной системой права территориального или персонального свойства* и в этой связи может поставить вопрос о применении своего или надлежащего альтернативного закона для решения спорного вопроса (to the determination of the issue) или осуществления юрисдикции в своём или иностранном праве»¹.

Ученые утверждают, что для «выбора применимого права и во внутреннем, и в трансграничном правоотношении следует руководствоваться принципом наиболее тесной связи, предусматривающим применение судом права той страны, которое связано с наименьшим ущербом для публичных интересов (ценностей), затронутых этим отношением»² [1]. Из этого следует, что некоторые критерии «выбора права» могут быть указаны в нормах законодательства, которое касается применения императивных норм в международном частном праве в договорных (и не только) правоотношениях, а значит превалировать. И хотя эта попытка авторов уложить в прокрустово ложе англосаксонскую межштатную модель анализа условий применения критерия наиболее тесной связи не совсем отвечает романской правовой модели, схожие моменты имеют место в правовом массиве стран Восточной Европы. В представленной работе на основе метода сравнительного правоведения проведена попытка наиболее

¹ Севрюгина, З.А. Действие коллизионных норм в международном частном праве России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / З. А. Севрюгина. – М., 2018. – 203 л.

² Шулаков, А.А. Разграничение внутренних и трансграничных правоотношений [Электронный ресурс] / А.А. Шулаков // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-vnutrennih-i-transgranichnyh-pravootnosheniy>.

приемлемого осмысления способа анализа публичных императивов конкретной правовой системы при решении коллизионного вопроса в международном частном праве. Основной целью исследования является выделение роли публичных предписаний законодателя при установлении тесной связи правоприменителем, а также попытка категориально выделить факторы, постоянно имеющие наиболее важное значение в коллизионном регулировании.

Основная часть. Рассмотрим это на примере отечественного и европейского гражданского законодательства, ст. 1124 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 г., № 218-3³ (далее – ГК РБ).

Принцип диспозитивности позволяет подчинять контрагентам свои правоотношения абсолютно любому правопорядку, иначе говоря, договор между сторонами А и В в стране X можно подчинить праву страны Y. Это подтверждают пункты 23 и 26 Постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г., № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц»⁴, в котором отмечено, что при разрешении спора, вытекающего из внешне-экономической сделки, в отношении которой стороны определили применимое право, суд исходит из того, что стороны свободны в выборе права, применимого к существу данного спора в силу функционирования принципа автономии воли сторон, однако данные положения должны не противоречить императивным нормам отечественной системы законодательства. Такой механизм предназначен для защиты конкретных ценностей или интересов государства через участников правоотношения, иными словами, избранное сторонами право не должно наносить ущерб публичному порядку государства, чье право применимо в данном случае.

Публичные императивы в правовом массиве для участников гражданского оборота очерчены кругом нормативных диспозиций. Категория релевантности здесь выступает в роли значимости императивных или презумптивных положений законодательства, которое необходимо соблюдать сторонам. Более того, при установлении тесной связи в некоторых случаях потребуется использование метода субъективной оценки правоотношения в конкретный правоприменительный момент времени для установления группы факторов (элементов), которые будут выступать в роли публичного императива и, соответственно, иметь наиболее релевантный вес (*relevant issues*). Помимо этого, некоторые факторы могут иметь интемпоральную составляющую – например, изменение требований императивных предписаний, влияющих на *lex causae*. Касаясь вопросов публичных императивов, следует затронуть ст. 16 Регламента № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам – Рим II» (далее – Регламент Рим II)⁵, где отмечено, что регламент не затрагивает применения права страны суда, которое императивно регулирует возникающие правоотношения вне зависимости от применимого права. Это значит, что нормы *lex fori* не затрагиваются нормами применимого права, определенного согласно Регламенту Рим II. Как подчеркивают некоторые ученые, действие сверхимперативных норм не может быть проигнорировано посредством соглашения о применимом праве⁶. Статьей 9 п. 1 Регламента Рим II определено, что сверхимперативной нормой является императивное предписание, соблюдение которого является решающим в целях защиты публичных интересов и подлежит применению вне зависимости от применимого права, причем трактовки сверхимперативных норм являются схожими для всех регламентов [2]. Институт сверхимперативных норм для определения степени релевантности следует анализировать не с позиции их дефиниции – сверхимперативные, а значит применимые, – а с позиции целей их назначения [3, р. 314]. Пункт 4 ст. 6 и п. 3 ст. 8 Рим II содержат специальные ограничения, исключающие возможность выбора права, из этого можно сделать вывод, что целью данных норм является реализация конкретных публичных императивов, соответственно это удостоверяет превалированию публичной релевантности в аспекте анализа конкретного правоотношения.

Регламентация правовых конструкций, именуемая в ЕС «нормы сверхимперативного характера» отражена (тождественности по значению) императивными нормами в ст. 1100 ГК РБ, где отмечено, что правила о частном праве не затрагивают норм отечественного правопорядка независимо от применимого права, закрепив свойство релевантности публичного императива. Это подтверждает и ч. 6 ст. 25 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь⁷, где отмечено, что суд, рассматривающий экономические дела, в соответствии с законодательством, международным договором Республики Беларусь, соглашением сторон, заклю-

³ Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-3 принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : [с изм. и доп., принятыми 7 дек. 1998 г., № 218-3] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>.

⁴ О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь от 31 окт. 2011 г., № 21 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

⁵ О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам – («Рим II») [Электронный ресурс] : регламент от 11.07.2007, № 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского союза // ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

⁶ Нам, К.В. Ограничения выбора применимого права в соответствии с Регламентом ЕС № 864/2007 от 11 июля 2007 г. «О праве, применимом к внедоговорным обязательствам» [Электронный ресурс] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-vybora-primenimogo-prava-v-sootvetstvii-s-reglamentom-es-864-2007-ot-11-iyulya-2007-g-o-prave-primenimom-k-vnedogovornym>.

⁷ Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : (в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 дек. 1998 г., № 219-3) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

ченным в соответствии с ними, применяет нормы права других государств. Однако правило не затрагивает действия императивных норм законодательства, применение которых регулируется разделом VII Гражданского кодекса Республики Беларусь. Таким образом, формула применения данного пункта предполагает применение норм местонахождения органа, рассматривающего спор – *lex fori*.

Помимо этого, достаточно четкой по содержанию является дефиниция п. 1 ст. 1100 ГК РБ⁸, где презюмируется, что наиболее релевантным фактором при определении применимого права в отношениях, осложненных иностранным элементом, является наиболее существенный публичный императив (запрет на их нарушение). Однако, по всей видимости, это должен определять суд или арбитраж путем объективного анализа преследуемых государственных интересов в системе законодательства через публичные императивы. Иными словами, формулировка пункта статьи содержит указание на незыблемость отечественных императивных предписаний, смещая правоприменительный акцент в сторону *lex fori* (применение закона суда). Таким образом, основополагающим условием здесь является анализ степени конкуренции императивных предписаний законодательства. В этом контексте представляется весьма актуальным при выборе применимого права в правоотношениях, осложненных иностранным элементом, руководствоваться критерием наиболее тесной связи, предусматривающим применение судом права той страны, на которую указывает наиболее релевантный публичный императив, затронутый конкретным правоотношением, устраняя проблему традиционного лексфоризма.

Нормы непосредственного применения, как их называют в рамках Европейского правового массива, как релевантная категория при установлении наиболее тесной связи способны иметь экстерриториальный эффект, заключающийся в тесной публичной связи с государством, требующим неукоснительного соблюдения своих императивов. Однако они обязательны только в той степени, в какой сумма локализирующих публичных факторов одной стороны превалирует над другой. Из этого вытекает, что публичные императивы юрисдикции А могут быть малозначительными для правоприменительных органов юрисдикции В. Например, ст. 9 Регламента № 593/2008г. «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам», (далее – Рим I)⁹, позволяет конкретным публичным императивам получать приоритет. Противовесом такого явления выступает институт сверхимперативных норм в праве ЕС. Иностранное право не может устранять действие публичных императивов в силу наличия в них свойства релевантности, которое указывает на материальный приоритет, т.к. приоритет изначально должен устанавливаться с позиции анализа (взвешивания) публичного интереса, другими словами как бы предвосхищая определенные последствия принятия того или иного решения.

Определенное концептуальное единство отмечено в п. 2 ст. 1100 ГК РБ¹⁰, где норма подразумевает, что суд может применить императивные нормы права другой страны, имеющие тесную связь с рассматриваемым отношением, если согласно праву этой страны такие нормы должны регулировать соответствующие отношения независимо от подлежащего к применению норм права конкретной юрисдикции. Образую формулу применения: первый этап – «учет сверхимперативных норм правопорядка, которые определены судом с помощью коллизионных норм». Второй этап – «сверхимперативные нормы права третьего государства, которые непосредственно связаны с рассматриваемыми правоотношениями», естественно, при наличии таковых. Возникает вопрос, может ли *lex causa* и *lex fori* быть исключено посредством тесной связи с учетом релевантности, позволяя игнорировать конкретные требования императивного характера конкретной юрисдикции, устанавливая связь с императивными нормами третьего государства? Исходя из форм закрепления, следует, что нормы *lex fori*, имеющие публичный императив, применяются вне зависимости от применимого права. Сверхимперативные нормы *lex fori* имеют приоритет над другими сверхимперативными нормами, даже если это права третьей страны, в силу придания им качественной характеристики релевантности путем закрепления в нормативном массиве Республики Беларусь. Следует отметить, что суд не наделен обязанностью применения иностранных норм, которые имеют тесную связь, однако суд может их применить после анализа предназначения таковых, с учетом релевантности иностранной нормы для конкретного спора в силу требований иностранного публичного порядка. При коллидировании публичных императивов в правоотношении тесную связь будет установить достаточно сложно, релевантной правовой системой будет выступать *lex fori*. Выражаясь предметно, законодательство Республики Беларусь, как совокупность норм, имеющих наиболее тесную связь с отечественными императивными нормами, реализует такой порядок закрепленных публичных императивов вне зависимости от диспозитивного соглашения сторон.

Согласно пункту 2 ст. 1100 ГК РБ, выбор применимого права должен проводить суд с учетом последствий такого выбора для публичных интересов страны суда и других государств, с которыми связано правоотношение, не затрагивая отечественных императивных предписаний (п.1 ст. 1100 ГК РБ, как указано выше).

⁸ Нам, К.В. Ограничения выбора применимого права в соответствии с Регламентом ЕС № 864/2007 от 11 июля 2007 г. «О праве, применимом к внедоговорным обязательственным отношениям» [Электронный ресурс] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-vybora-primenimogo-prava-v-sootvetstvii-s-reglamentom-es-864-2007-ot-11-iyulya-2007-g-o-prave-primenimom-k-vnedogovornym>.

⁹ Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) [Electronic resource] // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1583324400942&uri=CELEX_32008R0593.

¹⁰ См. сноску 8.

Иными словами, при установлении тесной связи возникает конкуренция между юрисдикциями через элементы, наполняющие правоотношение, при определении и установлении наиболее тесной связи образуя подход *jurisdiction-selecting approach* как методологию выбора юрисдикции. Таким образом, здесь также важен учет релевантного (существенного) фактора, наиболее тесно связанного с конкретной юрисдикцией, которую следует определить, выражаясь упрощенно, «забегая вперед» – предвосхитив результат правоприменения. Вместе с тем, такой фактор может лежать вне плоскости правоотношения, в области императивно-публичных норм определенной системы законодательства.

При поверхностном анализе факторов правоотношения публичный императив (выраженный в нормативной форме) может иметь формальное значение (для иностранного суда). Тем не менее, игнорировать его высокую регулятивную потенцию, на наш взгляд, не следует. Данные дефиниции в законодательстве подразумевают установление степени взаимодействия публичных императивов с конкретной правовой системой, при этом подразумевая определенный анализ и переработку (оценку) фактологического состава дела. Таким образом, релевантность выступает в роли эпистемологического показателя регулятивной степени конкретной группы факторов в трансграничном правоотношении, если ее рассматривать сквозь призму нормотворческих требований конкретного государства.

Например, в деле *Ouest Africaine des Industriels v. Senegal* (ICSID Case N ARB/82/1)¹¹ и прецеденте *Industrie-Anlagen GmbH, and v. United Republic of Cameroon and Societe Camerounaise des Engrais* (ICSID Case N ARB/81/2)¹² спор касался исполнения заключенного между истцом и ответчиком соглашения инвестиционного характера, предполагавшего строительство фабрики минеральных удобрений. При этом инвестиционное соглашение не предусматривало выбор сторонами применимого права. Арбитры МЦУИС отметили, что в отношениях, связанных с иностранными инвестициями (такие соглашения имеют в себе элементы публичных императивов), если стороны не предусмотрели иное, применяется право государства, участвующего в правоотношениях, а поскольку на территории Камеруна, объединяющего две бывшие колонии Франции и Великобритании, действовали две системы права, и фабрика находилась на территории бывшей французской колонии, арбитраж МЦУИС применил право Камеруна, где действует французское законодательство – Гражданский кодекс Французской Республики 1804 г. (*Code Napoléon*) – как право наиболее релевантной правовой системы.

Такое положение вещей косвенно подтверждает вывод, полученный в ходе проведенного анализа по отношению п. 2 ст. 1100 ГК Республики Беларусь. Используя конструкцию «суд может», другими словами, «вправе, но не обязан», применять вне зависимости от согласования сторонами спора императивную норму права иностранного государства (имеется в виду по отношению к Республике Беларусь) в случае, если суд придет к двум следующим выводам: во-первых, право соответствующего иностранного государства имеет тесную связь с рассматриваемыми отношениями; во-вторых, в праве такого иностранного государства соответствующие императивные нормы должны применяться вне зависимости от подлежащего применению права¹³, образуя модель применения принципа наиболее тесной связи в романских правовых системах с использованием категории релевантности.

Например, общество с ограниченной ответственностью «Р» (Республика Польша) обратилось в суд с иском к производственно-торговому республиканскому унитарному предприятию «Б» (Республика Беларусь) о признании недействительным решения комиссии о несоответствии предложения истца требованиям аукционных документов и признании аукциона несостоявшимся по некоторым лотам¹⁴. Суд, анализируя дело, приводит в мотивировочной части ссылку на п. 3 ст. 1093 ГК Республики Беларусь, отмечая, что к спору следует применять право, с которым правоотношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано. Вместе с тем суд указывает, что применимым материальным правом является закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров» от 13 июля 2012 г. № 419-З, (далее – Закон)¹⁵. В п. 1 ст. 43 Закона отмечено, что до размещения приглашения заказчиком (организатором) утверждаются аукционные документы, раздел предложений участников включает в т.ч. документы и сведения, представление которых предусмотрено аукционными документами п. 2 ст. 45 Закона о государственных закупках товаров. Иными словами, без предоставления указанных (четкий перечень) документов истец не мог участвовать в процедуре закупок (о чем и вынес решение суд). Важный момент заключается в том, что исходя из требований императивной ст. 1100 ГК Республики Беларусь, мы получили бы аналогичное решение (минуя коллизионный вопрос, переходя непосредственно на ма-

¹¹ Case: *Société Ouest Africaine des Bétons Industriels v. Republic of Senegal* (ICSID Case No. ARB/82/1) [Electronic resource] // ICSID. URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/casedetail.aspx?CaseNo=ARB/82/1>.

¹² Case: *Klöckner Industrie-Anlagen GmbH and others v. United Republic of Cameroon and Société Camerounaise des Engrais* (ICSID Case No. ARB/81/2) [Electronic resource] // ICSID. URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/casedetail.aspx?CaseNo=ARB/81/2>.

¹³ Функ, Я.И. Сверхимперативные нормы и оговорка о публичном порядке как правовые явления, ограничивающие применение иностранного права при разрешении спора международным арбитражем [Электронный ресурс] / Я.И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

¹⁴ Курадовец, С.А. Практика экономического суда г. Минска, от 16 января 2015 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

¹⁵ О государственных закупках товаров [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г., № 419-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

териальный), если применили бы указанную императивную норму вместо п. 3 ст. 1093 ГК РБ (данная норма применяется, как правило, по остаточному принципу, а значит, имеет сложную архитектуру применения), т.к. положения о процедурах государственных закупок являются императивными в нормативном массиве Республики Беларусь. Значит, они обладают наиболее релевантными регулируемыми свойствами, указывая непосредственно на применение *lex causa* (существа правоотношения), образуя подход *rule selecting approach* как методологию выбора норм с упрощенной архитектурой применения.

Все вышесказанное соответствует категории «*justice of individual case*», которая подразумевает отход от принципа ожиданий сторон и условной предсказуемости к принципу максимального учета фактов конкретной правоприменительной ситуации, выражаясь образно, – справедливости в конкретном споре (деле). Ведь помимо наличия тесной связи всегда должно быть что-то еще, мы не можем анализировать состав конкретного спора исходя из простой суммы локализирующих элементов, необходимо учитывать их релевантность (значимость), а не количество. Немецкий коллизонист G. Kegel четко отметил, что стремление к единообразию всегда уступает стремлению каждого государства в реализации справедливого коллизонного решения. На сегодняшний день единообразие скорее побочный эффект реализации принципа справедливости в международном гражданском обороте [4, р. 91].

Продолжая дискуссию о концепции релевантности как категории, отражающей наиболее значимые элементы правоотношения при установлении тесной связи, следует затронуть вопросы публичного порядка. Мы не будем исследовать категории международного, транснационального, европейского и других депесажированных теорий *ordre public*, а рассмотрим как универсальную теоретическую единицу международного частного права. Согласно ст. 26 Регламента Рим II в применении норм может быть отказано по соображениям публичного порядка в рамках юрисдикции Европейского Союза. Данная оговорка является своеобразной односторонней коллизонной нормой *lex fori* в пользу национального публичного порядка в рамках ЕС, если выражаться достаточно утрировано. Вместе с тем, ст. 26 Регламента Рим II не определяет что собой представляет публичный порядок. На наш взгляд, к нему могут относиться общие принципы права, основы прав человека, *bona fide*. По мнению некоторых авторов, общие принципы права цивилизованных народов, вытекающие из международного публичного права, являющиеся основой взаимодействия правовых систем современности [5, р. 231], другими словами, существенные нарушения основ национально-правовых принципов, как это следует из трактовки общеевропейского законодательства.

Отечественная наука относит к содержанию публичного порядка: основополагающие фундаментальные принципы права Республики Беларусь, в том числе и нормы Конституционных законов; общие принципы права, на которые опирается правопорядок Республики Беларусь; законные интересы граждан РБ как реализация основной задачи правовой системы страны; общепризнанные принципы и нормы международного права, отмеченные приоритетом в ст. 8 Конституции Республики Беларусь¹⁶. Такие подходы подразумевают *субъективный (оценочный) характер* данного института¹⁷. Отдельные оговорки о публичном порядке содержатся в договорах о правовой помощи по гражданским и уголовным делам Республики Беларусь, например, с Исламской Республикой Иран¹⁸, Сирийской Арабской Республикой¹⁹. Однако и там нет детализации публичного порядка.

Схожая ситуация имеет место в законодательстве Российской Федерации (далее – РФ). В п.1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 г., № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений»²⁰ отмечено, что под публичными порядком понимаются фундаментальные правовые начала, которые обладают высшей императивностью, универсальностью, имеют особую общественную и публичную значимость и составляют основу построения экономической, политической и правовой систем государства. Запрет на нарушения таких норм установлен ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации²¹. Вместе с тем, такое размытое содержание можно отнести к «нормообразую-

¹⁶ Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

¹⁷ Цветкова, Е.Е. Оговорка о публичном порядке – форма судебного контроля в процессе признания и исполнения иностранного судебного решения [Электронный ресурс] : [по сост. на 12 нояб. 2010 г.] / Е.Е. Цветкова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

¹⁸ Договор между Республикой Беларусь и Исламской Республикой Иран о правовой помощи по гражданским и уголовным делам [Электронный ресурс]: [подписан в г. Тегеране 07.11.2006] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019

¹⁹ Договор между Республикой Беларусь и Сирийской Арабской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам [Электронный ресурс]: [подписан в г. Дамаске 23.09.2008] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

²⁰ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений [Электронный ресурс] : информ. письмо Президиума ВАС РФ, 26.02.2013, № 156 // КонсультантПлюс. Россия. ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

²¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья [Электронный ресурс] : 26 нояб. 2001 г., № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г. : одоб. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 18.03.2019 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

щим факторам» коллизии нормы [6, с. 44] недетализированных (неуточненных) публичных императивов для отечественной правовой системы в процессе определения применимого права в отношении с иностранным элементом, используя методологию принципа наиболее тесной связи.

Таким образом, если категория публичного порядка размыта, то ее релевантность подразумевает степень дискреционной презумптивности, под которой мы понимаем наиболее важные принципы частного и публичного права, реализуемые с помощью субъективной оценки правоприменителем, т.к. отнесение конкретных категорий к публичному порядку есть прерогатива суда. Публичные императивы презюмируются как релевантные, однако в противовес императивным нормам (требованиям), в которых изложены четко. Императивы публичного порядка не детализируются. Образуя две оценки значимости факторов сквозь призму категории релевантности: нормативно-императивную (достаточно четкую за счет дефиниций императивных норм) и презумптивно-императивную (широта публичного порядка), то есть неуточненную с помощью конкретной нормы, как это имеет место быть в императивных правовых нормах, а подразумеваемую (подразумеваться может законность, интересы конституционного строя, основы гражданского права, принципы, отраженные в ст. 2 ГК Республики Беларусь), эти интересы не действуют напрямую, – их, как правило, реализует суд, – при том, что они всегда презюмируются. Именно поэтому можно утверждать, что в некоторых аспектах публичный порядок является подразумеваемым намерением государственных интересов, реализуемых, в том числе, через дискрецию суда (в конкретной ситуации).

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что концепция релевантности включает в себя соотношение фактологического состава правоотношения и публичных императивов, где А – количество материальных факторов конкретных юрисдикций, В – количество нематериальных факторов конкретных юрисдикций, С – оценка регулятивных свойств факторов конкретных юрисдикций с учетом публично-императивных компонентов. Группы А и В могут иметь материальную и коллизионную основу, либо быть комбинациями того и другого. Примерами материальных факторов могут служить позитивное предписание законодательства, документы, договорные проформы, и т.д. Нематериальными факторами может быть объем правовых понятий, доктринальное определение института права, взгляд на публичный порядок субъекта правоприменения и т.д. Комбинациями этих категорий выступают задачи, цели, подразумеваемое намерение в сделке как возможный результат правоотношения. Основой оценки и взаимодействия является группа С, которая оценивает субъективно (взвешивает) группы А и В и является результатом произведения на сумму групп факторов А и В. Соотношения по релевантным свойствам субъективны и условны, могут иметь характер очевидности и неочевидности. Например, при императивных требованиях законодательства – очевидны, при применении категории *ordre public* – неочевидны. Если применить математическое моделирование, сугубо для наглядности примера, можно вывести формулу $\frac{\text{факторы (A+B)}+C}{\text{Релевантность}}$ = результат коллизионно-материального анализа правоотношения, как с позиции поиска правовой системы, так и с позиции поиска непосредственно материальных норм.

Далее следует предположить (с достаточной долей условности), что релевантность – это показатель и оценка регулятивной степени конкретного юридического фактора (группы факторов) в правоотношении, осложненным иностранным элементом.

Релевантность подразумевает:

1. Обозначение степени взаимодействия с конкретной правовой системой фактологического состава дела.
2. Двухэтапный анализ и переработку конкретной правовой информации (коллизионной и материальной).
3. Условие и степень релевантности определяется в конкретный момент коллизионного времени (рассмотрения правовой ситуации), подразумевая учет интемпоральных факторов правоотношения, определяя уровень адекватности и соответствия, с правоприменительной и коллизионной точек зрения, применение конкретного правового массива.

Концепция релевантности (как категориальное понятие) – это оценка значимости императивных положений законодательства при определении наиболее тесной связи методом субъективного анализа правоотношения в конкретный правоприменительный момент времени в международном частном праве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шулаков, А.А. Современные подходы к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи в международном частном праве / А.А. Шулаков // LEX RUSSICA. – 2018. – № 1. – С. 103–112.
2. Adolphsen, Jens. *Europäisches Zivilverfahrensrecht* / Jens Adolphsen. – Heidelberg [etc.] : Springer, 2015. – 394 p.
3. Max Planck Institute for Comparative and International Private Law: Comments on the European Commission's Proposal for a Regulation of the European Parliament and the Council on the Law Applicable to contractual obligations (Rome I) // *The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*. – 2007. – Vol. 71, N 2. – P. 225–344.
4. Kegel, G. *The Crisis of Conflict of Laws* / G. Kegel // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law : Recueil des cours / Hague Academy of International Law*. – 1964. – Vol. 112. – P. 188.
5. Struycken, A.V.M. *Coordination and cooperation in respectful disagreement : general course on private international law* / A.V.M. Struycken // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law : Recueil des cours / Hague Academy of International Law*. – 2004. – Vol. 311
6. Асосков, А.В. *Основы коллизионного права* / А.В. Асосков. – М. ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2017. – 335 с.

REFERENCES

1. Shulakov A.A. (2018). *Sovremennye podkhody k raskrytiyu sodержaniia printsipa naibolee tesnoi svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave*. [Modern approaches to the disclosure of the principle of the closest connection in private international law]. *LEX RUSSICA*. (1), 103–112. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Adolphsen, Jens. (2015). *Europäisches Zivilverfahrensrecht*. Heidelberg [etc.]: Springer. (In Engl.).
3. Max Planck Institute for Comparative and International Private Law: Comments on the European Commission's Proposal for a Regulation of the European Parliament and the Council on the Law Applicable to contractual obligations (Rome I) (2007). *The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*. (2), 225–344. (In Engl.).
4. Kegel, G. (1964). *The Crisis of Conflict of Laws*. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law: Recueil des cours*. (112), 188. (In Engl.).
5. Struycken, A.V.M. (2004). *Coordination and cooperation in respectful disagreement: general course on private international law*. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law: Recueil des cours*. (311), 231. (In Engl.).
6. Asoskov A.V. (2017). *Osnovy kollizionnogo prava*. Moscow; Berlin. (In Russ.).

Поступила 08.08.2021

**THE CONCEPT OF RELEVANT CONDITIONS IN THE MECHANISM OF FUNCTION
OF THE PRINCIPLES OF THE CLOSEST CONNECTION**

V. PAVLOVSKY

At the present stage of the development of international private law, the intensity of world economic turnover requires a deliberate approach to law enforcement, each legal dispute requires an individual analytical approach from the law enforcer, moving away from the concept of averaged collision dogma has led science and practice to understanding new methodological approaches to finding the relevant, most close legal solution with the actual composition of the relationship. In this paper, on the basis of general scientific methods, as well as using methods of legal modeling, the author tried to substantiate the concept of applying the criterion of the closest connection in legal systems, using the necessary condition of public imperatives that fill the legislative body of Romance jurisdiction. When following the concept of relevance, the criterion of the closest connection can fully realize its potential as a basic principle of private international law. It has been established that there is a conceptual similarity in the impossibility of overcoming the imperative requirements of legislation in the studied legal systems. The author suggested that the legal system as a unit of a normative array can compete by imperative prescriptions with another legal system when establishing the applicable law, the degree of competition shows relevance, being an epistemological unit. The presence of the relevance property in the clause on public order is indicated.

Keywords: *flexible regulation, the principle of the closest connection, public policy, overriding rules, the concept of relevance, the criterion of the closest connection.*